

Для самостоятельного изучения обучающимися.

Воспоминания современников о Тургеневе

1. П. Боборыкин, писатель и журналист. В 1864 — 82 гг. встречался с Тургеневым в России и за границей.

И в Тургеневе сказывался барин из центральной великорусской местности, поужнее от Москвы. Две трети жизни, проведённые за границей, совершенно не обесцветили его... В целой тысяче иностранцев он всегда выделялся не одной только своей огромной фигурой и живописной головой, а манерой держать себя, особенным выражением лица, интонациями голоса. Такому голосу при подобной фигуре у иностранцев трудно сложиться: он был бы непременно сильнее, гуще или жёстче, вообще гораздо эффектнее. Звук остался чисто русский: слабоватый, более высокий, чем можно было ожидать от такого тела, и опять-таки барский, а не чиновничий, не профессорский, даже не литераторский... Тургенев немного шепелявил. Это недостаток тоже дворянский, а не чиновничий и не купеческий. Но слабый голос и такая особенность произношения делали разговор Тургенева проще и привлекательнее. Иначе блеск его ума, художественная объективность и меткость определений выходили бы слишком красивы, стесняли бы собеседника своей старательной, мастерской отделкой. Очертание головы в последние двадцать лет оставалось то же; волосы и бороду Тургенев носил без перемены причёски... И несмотря на то что руки и ноги у Тургенева были большие, походка замедленная и тяжеловатая, в нём жил настоящий барин, все приёмы которого дышали тем, что французы называют изысканностью, с примесью некоторой робости.

2. И. Репин, художник. Встречался с писателем в Петербурге в 1871 году.

Иван Сергеевич был очень популярен, особенно в кругах нигилистов. Все они стремились видеть литературного бога и излить ему душу...

3. Н. Островская, представительница молодого поколения, просвещенная женщина, входившая в круг Герцена, Огарева, Анненкова.

Познакомилась с писателем в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов.

Он строил себе дом в Бадене и сам жил на квартире... Мы в шутку прозвали его за талант и красоту богом богов, Юпитером, Олимпийцем, а в сокращении звали его просто Богом.

Он декламировал хорошо, с истинным чувством, хотя немножко по-старинному, немножко слишком восторженно, но это шло к его красивой наружности. И как очарователен был этот странный старик! Со своей молодой любовью к поэзии, со своими разговорами, совсем нисколько не обыденными! Он похож, думала я, на таких юношей, что в книгах описываются, что в жизни никогда не встречаются.

Когда я слушала его, когда я видела его величественную фигуру, его ласковые глаза, его милую улыбку, я чувствовала себя девчонкой перед предметом обожания.

4. М. Антокольский, скульптор.

14 февраля 1871 года, в день окончания моей работы над статуей «Иван Грозный», первый, кто пришёл ко мне в мастерскую, был И. С. Тургенев. Я сейчас же узнал его по фотографии, имевшейся у меня в альбоме. «Юпитер!»— было первое моё впечатление. Его величественная фигура, полная, красивая, его мягкое лицо, окаймлённое густыми серебристыми волосами, его добрый взгляд имели что-то ласкающее, но вместе с тем и что-то необыкновенное: он напоминал мне льва, одним словом — Юпитер... Я глазам своим не верил, что передо мной стоит, нет, вернее, что я стою перед И. С. Тургеневым. Я боготворил его, да не я один, а мы все..

5. Ги де Мопассан, французский писатель.

Ивана Тургенева я увидел впервые у Густава Флобера. Дверь отворилась. Вошёл великан. Великан с серебряной головой, как сказали бы в волшебной сказке. У него были длинные седые волосы, густые седые брови и большая седая борода, отливавшая серебром; и в этой сверкающей снежной белизне — доброе, спокойное лицо с немного крупными чертами. Это была голова Потока, струящего свои воды, или, что ещё вернее, голова Предвечного отца... Он чудесно рассказывал, сообщая самому незначительному факту художественную ценность и своеобразную занимательность, но его любили не столько за возвышенный ум, сколько за какую-то трогательную наивность и способность всему удивляться. И он в самом деле был невероятно наивен, этот гениальный романист, изъездивший весь свет, знавший всех великих людей своего века, прочитавший всё, что только в силах прочитать человек, и говоривший на всех языках Европы так же свободно, как на своём родном.

Материалы для составления композиции: это отрывки из биографического романа Бориса Зайцева «Жизнь Тургенева», отрывки из писем, стихотворения и стихотворения в прозе И. Тургенева. С ними нужно ознакомиться, отобрать необходимый материал, рассчитанный на 35-40 минут, скомпилировать его, дополнив музыкальными фрагментами— например, романсом «Утро туманное» (слова И. Тургенева, музыка Эраста Абазы), «Элегией» в исполнении Ф. Шаляпина (Массне — Галле).

Материал для монтажа по биографии И. Тургенева Отрывки из романа Б.Зайцева «Жизнь И.Тургенева», 1929 — 31 гг.

1. Родители и родина. 1816 — 1818 гг. Село Спасское-Лутовиново находится в нескольких верстах от Мценска, уездного города Орловской губернии. Огромное барское поместье, в берёзовой роще, с усадьбой в виде подковы, с церковью насупротив, с домом в сорок комнат, бесконечными службами, оранжереями, винными подвалами, кладовыми, конюшнями, со знаменитым парком и фруктовом садом. В начале прошлo-го века это как бы столица маленького царства, с правительством, чиновниками, подданными. Даже колонии были: разные имения и сёла, всякие Любовши, Тапки, Холодовы.

Спасское принадлежало Лутовиновым. Последнею из Лутовиновых владела им девица Варвара Петровна, унаследовавшая его от дяди Ивана Ивановича. Ей было уже под тридцать, когда в Спасское заехал молодой офицер Сергей Николаевич Тургенев... Варвара Петровна сразу в него влюбилась: отличался он редкостной красотой... В 1816 году она вышла за него замуж. Через год у них родился сын Николай, затем Иван.

Молодость её оказалась не из лёгких... Одиночество, оскорбления, побои — вот детство Варвары Петровны... В одну страшную ночь девушка бежала из дома... Полуодетая, пешком, прошла шестьдесят вёрст до Спасского. Там укрылась у дяди своего Ивана Ивановича. Здесь ждала тоже несладкая жизнь— у крутого и скупого старика... Она прожила у дяди десять лет, ей шёл двадцать седьмой, когда неожиданно обратилась она во владелицу тысяч крепостных, тысяч десятин орловских и тульских благодатных земель...

Сергей Николаевич Тургенев соединял в себе разные качества предков: был прям и мужествен, очень красив, очень женолюбив... Счастливою с мужем Варвара Петровна не могла быть — любила его безгранично и безответно.

2. «Колыбель» Тургенева. 1818 — 1827. Истинной его «колыбелью» оказалось Спасское, со всем своим пышным и тяжеловесным, медленным, суровым и поэтическим складом. Дом — чуть не дворец. Дворня — лакеи, горничные, казачки на побегушках, повара, конюхи, садовники, швеи, приживалки — всё это двигалось мерно и возглавлялось владыкою — Варварой Петровной. Сергей Николаевич — на втором плане. Жили праздно, сытно, но без нарядности. Устраивали балы, маскарады. В одной галерее давались спектакли... Играл свой оркестр, своя крепостная группа. Трепещущий батюшка служил по праздникам молебствия. Гувернёры и гувернантки учили детей.

Детство Тургенева могло стать золотым — но не стало. Слишком суровой оказалась мать... Она очень любила сына— и очень его мучила. Но в этом же самом роскошном доме чуть не

каждый день секли будущего владельца Спасского, за всякую мелочь, за каждый пустяк...

Здесь узнал он и простых людей, жизнь животных и птиц... Здесь узнал он и поэзию книжную, кроме природы. Тургенев-дитя, Тургенев времён Спасского знал уже многое о жизни. Кроме пения птиц в парке да волнующего звона стихов, слышал вопли с конюшен и по себе знал, что такое «наказание». Всякие деревенские друзья - сверстники, Савоськи и Масетки, подробно доносили, кому забрили лоб, кого ссылают, кого как драли. Не в оранжерее рос он. И нельзя сказать, чтобы образ правления Варвары Петровны приближал к ней ребёнка, в котором жил уже бродильный грибок. Мать растила не только далёкого себе сына, но и довольно устойчивого, неукоснительного врага того жизненного склада, которого страстной носительницей была сама.

3. Отрочество и юность. 1827— 1837. В 1827 году Тургеневы переехали в Москву. Летом выезжали и в имение: связь с деревней не прерывалась.

В это время Сергей Николаевич заболел... и для лечения ему и Варваре Петровне пришлось отправиться в Париж, быть в Эмсе и Франкфурте. Иван остался в Москве, в пансионе Вейденгаммера. У Вейденгам- провёл Иван года полтора, потом на несколько месяцев попал в армянский пансион (впоследствии Лазаревский институт восточных языков) и, наконец, оказался ещё в новом, у Краузе.

Его можно представить себе изящным и благовоспитанным мальчиком, хорошо учившимся, несколько чувствительным и не лишённым высокомерия... Романтические дружбы пришли и ушли с юностью. Любовь, поклонение женщине наполнили всю его жизнь, сопровождали до могилы... В судьбе Тургенева-сына важно, что первая же его встреча с истинной любовью была встреча безответная. «Неразделённая любовь» — так началась жизнь изящнейшего, умнейшего, очень красивого человека и великого художника. Ему предпочли другого. В загадочно-волнующем впечатлении, остающемся от этой истории, имеет значение, что «другой» оказался отцом...

Роман Сергея Николаевича с соседкой-княжной имел трагический оттенок — на своей страсти не смогли они основать жизнь. Получилось в духе Тургенева-сына: он не любил семьи, не пожелал любимым своим героям полнеть в тепле и уюте. Он для них приберёт смерть. Дон Жуана ранее она настигает, Зинаиду позже. Но любовь их уходит не увядшею. Первый студенческий год Тургенев провёл в Москве. Учился хорошо, но особого действия университет на него не произвёл. Осенью 34-го года отец перевёл его в Петербург. Там удобнее было жить с братом Николаем, поступившим в гвардейскую артиллерию. 30 октября Сергей Николаевич скончался... Умер довольно молодым, сорока одного года...

Жизнь же в Петербурге сложилась неплохо. Большой интерес к «наукам и искусствам» — и осведомлённость в них. Тургенев — студент Петербургского университета — не просто учится: он сугубо жаден до познаний. Всё хочет узнать — и латинский язык, и классиков, и побывать на выставке брюлловской «Помпеи», и посмотреть Каратыгина, и попасть на первое представление «Ревизора», и поглядеть Пушкина.

Приходила пора и самому превратиться в «сочинителя кантов»... В Петербурге, в том же самом университете, нашёл он сочувственную душу из старших. Пётр Алексеевич Плетнёв, профессор, тихий и спокойный старичок, читал русскую словесность... пригласил его к себе

на вечер.

Первый вечер начинающего, первая встреча с писателями!..

Первый, кого он встретил в передней, был Пушкин, ни более ни менее — живой облик того пути, который подсказывал ему Плетнёв. Встреча эта оказалась мгновенной — как молния сверкнул ему Пушкин — Плетнёв не успел даже их познакомить... Остались в памяти живые глаза, столь быстрые! — да белые зубы...

А Пушкина он увидал ещё однажды — за несколько дней до дуэли, на утреннем концерте, в зале Энгельгардта. Пушкин стоял у двери, скрестив руки, хмурый и мрачный. Тургенев кружил, как влюблённый, рассматривал и так, и этак... В сердце Тургенева Пушкин остался навсегда... Тургенев окончил университет столь успешно, что ему предложили при нём остаться. Может быть, он и остался бы. Но, уехав на каникулы в Спасское, так увлёкся охотой, что диссертации не написал.

4. Чужие края. 1837— 1840. В мае 1838 года Варвара Петровна провожала сына Ивана из Петербурга за границу... Сын уезжал в Германию на пароходе, шедшем прямо в Любек. Оттуда сухим путём должен был добраться до Берлина, продолжать учение...

Берлинский университет был хорошо поставлен, привлекал юношей издалека... профессор считался учителем жизни, как бы её духовным вождём...

Молодой Тургенев, попав в Берлин, занялся наукой основательно, хуже Петербурга. Слушал латинские древности... историю греческой литературы... а на дому зубрил латинскую и греческую грамматику... Берлинский университет дал ему знание древних языков — он всю жизнь свободно читал классиков... Но Гегель завладевал душою и сердцем русских в ином роде. В Берлине в эти годы находились Грановский, Бакунин, Станкевич, зачинатели нашей интеллигенции... Книжонки и брошюры о Гегеле зачитывались до дыр, до пятен.

Тургенев погрузился во всё это раздутое кипенье. «Кружки» и ночные споры на себе изведаль. Знал, что такое собираться по вечерам в студенческой комнате... и до утра кричать о Гегеле...

В Берлине он не только учился, не только видел привлекательных и духовно высоких немецких людей, но встретился и с замечательными русскими, оказавшими на него влияние.

Со Станкевичем познакомился осенью 1838 года благодаря Грановскому... посещал он довольно замечательный дом, литературный салон Фроловых...

Но не только наукой, не только тяжеловесным и серьёзным занимался он в Берлине. Любил бывать на гуляньях, маскарадах. Катался довольно много верхом... Много посещал театры...

В конце года Тургенев побывал в Петербурге, а в самом начале 1840 через Вену попадает он в Италию... Главная прелесть жизни римской, конечно, вне дома, в блужданиях и экскурсиях... возвращался в Берлин через Геную... Пешком путешествовал он по Швейцарии, в costume туриста, с палкою и ранцем за плечами. Проезжая через Франкфурт, влюбился во встреченную в кондитерской красавицу девушку. Чуть во Франкфурте из-за неё не застрял, но

не его судьба. Добравшись до Берлина, написал прекрасное письмо Грановскому о смерти Станкевича... Он познакомился с Михаилом Бакуниным через месяц, после смерти Станкевича. Даже поселились они вместе... Оба высокие, оба красивые, видные...

5. В России. 1841— 1843. Он вернулся на родину нарядным и блестящим юношей. Любил франтить... Любил поболтать, пустить пыль в глаза... Внешний его облик ещё довольно долго не совпадает с тем, чем надлежало ему быть в действительности...

Тургенев жил летом в Спасском, зимой в Москве с матерью... В московских салонах часто появлялся... где можно было встретить Гоголя, Аксакова, Чаадаева. Думал сдать магистерский экзамен, получить кафедру философии. Ничего из этого не вышло. Так и остался Тургенев того времени маменькиным сынком, молодым человеком с поэтическими устремлениями. С матерью уживался очень прилично...

В Берлине писал стихи (не уцелевшие), продолжал писать и в России...

В 1843 году он написал поэму «Параша», первую вещь, обратившую на него внимание...

С ранних лет невзлюбил Тургенев брак, семью, «основы». В горечи и пошлости жизни особенно ненавидел «мещанское счастье»... Во всех противоречиях его облика есть одна горестно-мудрая, но последовательная черта: одиночество, «несемейственность».

6. Виардо. 1843 —1847. Полина Виардо была дочерью знаменитого испанского тенора Мануэля Гарсиа. Мать её тоже пела, как и сестра Мария... Полина с детства знала театр, слушала оперы, росла среди артистов...

Она рано начала выступать. Впервые в Брюсселе— в 1837 году, шестнадцати лет. Затем в Лондоне и Париже... Её пригласили в Итальянскую оперу. В 1841 году она вышла замуж за директора этой оперы г. Луи Виардо — вряд ли по любви, скорее для жизненного укрепления. Виардо был на двадцать лет старше её, по-видимому, человек смирный, просвещённый, малозаметный — муж знаменитости...

Красотою Виардо не славилась. Выступающие вперёд губы, большой рот, но замечательные чёрные глаза — пламенные и выразительные. Волосы тоже как смоль... В разговоре жива, блестяща, смела. Характер имела властный.

Россия находилась далеко, но слава её шла и на запад: император, двор, Петербург, фантастические снега, фантастические гонорары...

В Петербурге певица открыла гастроль «Севильским цирюльником»... и успех имела потрясающий...

Среди энтузиастов оказался и один молодой человек, очень образованный и речистый, красивый, элегантно одевавшийся, будущий владелец пяти тысяч «рабов», а ныне из-за ухудшившихся отношений с матерью ведущий жизнь самую тёмную, — Иван Тургенев. В литературе за ним числилось несколько стихотворений да «Параша». В жизни — два-три неопределённых романа и кое-какие влюблённости...

Тургеневу только что исполнилось двадцать пять, Полине шёл двадцать третий. В то

туманно-белое, мокрое петербургское утро юная знаменитость ласково-равнодушно принимала у себя русского медведя... Его преподносили как «молодого помещика, хорошего стрелка, приятного собеседника и плохого стихотворца»... Могла ли подумать тогда, что пот «молодой помещик и плохой стихотворец» станет русским классиком и в славе своей далеко превзойдёт её? Что на сорок лет будет он прикреплен к ней? Что её собственная жизнь переплетётся с его жизнью?..

Началось знакомство. Стал он посещать их. Началось время для пего и сладостное, и нелёгкое. Сладостное заключалось в том, что он полюбил... он ею заболел...

Трудность его положения заключалась в неравенстве сил. Он влюблен — она «позволяет себя любить». Для неё он один из многих, ею восхищавшихся... Тяжело давалось ему, конечно, и безденежье. Мать очень его прижимала...

Так или иначе, он за эту зиму очень с Виардо сблизился. Она его и бы делала из «молодых людей». Когда весной уехала, он уже писал ей...

Зиму 44 — 45 гг. Виардо вновь пела в Петербурге, вновь виделась и сдружилась с Тургеневым. Летом он ухитрился уехать за границу, разумеется в Париж, — и, разумеется, из-за неё..

Любила ли она его? В изяществе, уме, красоте молодого Тургенева было много привлекательного. Конечно, ей это нравилось. Ещё нравилось — его любовь к ней. Но она не болела им. Он не имел над ней власти. Она не мучилась по нём, не страдала, не пролила той крови сердца, которую требует любовь.

Кто он был к тому времени? «Параша» окончательно ввела его в литературу...

Главное сближение с Белинским произошло после «Параши», летом 1844 года... Белинский его любил — всего, зная его и силу его, и слабость. Иногда его бранил, осаживал...

Но пока веселился Тургенев... в промежутках словопрений с Белинским и вздохов по Виардо успевал очень много читать и сам писал. «Андрей Колосов» лежал уже у него в столе, в рукописи... Пробовал он и сценические вещи («Безденежье»), написал очень серьёзную статью о «Фаусте», опять стихи, и накопились рассказы — «Бретёр», «Три портрета»... Быть может, задумывался и «Петушков».

Белинский дружественно следил за тургеневским писанием...¹ Позднее Белинский верно угадал в «Хоре и Калиныче» и во всём начале «Записок охотника» поворот к новому...

Хотя Варваре Петровне и очень понравилась «Параша», всё-таки сыном она не могла быть довольна... недовольство своё тотчас переводила на житейское: прижимала сына денежно. Не хочешь делом заниматься — ну и поголаживай. Разумеется, сын принимал это тягостно...

Уже немолодым, говоря о первом своём длительном уходе из России, Тургенев подчёркивал, что делал это из протеста, из невозможности принять тогдашнюю русскую жизнь и из желания бороться. Тут есть и правда, и преувеличение. Думал ли он так уж много, уезжая в январе 1847 года, о сражениях с «проклятым режимом»?.. Ведь вот не в Париж, тогдашнее горнило всяческих «течений», направлялся он, а в Берлин. С Западом у него издавна

связывались хорошие воспоминания. Всегда приятно было жить среди культурных, просвещённых людей...

Главное же, в королевском Берлине пела в январе 1847 года Полина Гарсиа-Виардо.

7. Франция. 1847— 1850. Новая фигура появляется в жизни Тургенева— Павел Васильевич Анненков, один из немногих его друзей «навсегда»...

В 1847 году Анненков выехал в Германию. Туда же отправили лечиться Белинского...

Они мирно поселились в Зальцбрунне... Белинский лечился. Тургенев кое-что писал из «Записок охотника». Анненков ухаживал за ними обоими, оберегал, слушал, записывал, запоминал...

И вот, получив некое письмо, он (Тургенев) заявил, что должен ненадолго съездить в Берлин... Насть вещей оставил на квартире. Они с тем и проводили его, что через несколько дней вновь увидятся.

Тургенев уезжал к Виардо. Вероятно, расставаясь с приятелями, и вправду думал, что скоро вернётся. Но за Виардо он отправился в Лондон, из Лондона — во Францию, а друзья сидели в Зальцбрунне и недоумевали, что с ним...

Куртавенель, куда он попал летом 1847 года,— имение Виардо, километрах в шестидесяти от Парижа... Старинный замок... Изящество, любовь разлиты и по парку, и по цветникам, каналам: всё это мир Полины и Тургенева. Что-то напоминающее «Месяц в деревне»...

Он называл Куртавенель «колыбелью своей славы»... (Самые русские «Записки охотника» принадлежат Франции!)

В Париже жили в то время Анненков и Белинский. Тургенев изредка туда наезжал... Тут и случилось, что Тургенев забыл попрощаться с Белинским, уезжавшим в Россию (навсегда! Там и умер).

...Для Тургенева этот журнал («Современник») связан с блистательной страницей его художества: там стали появляться «Записки охотника»... Успех «Хоря» оказался огромным... пора было дать просто, поэтично и любовно Россию. Россию барски-крестьянскую, орловскую, мценскую, с разными Бежинными лугами, певцами и Касьянами с Красивой Мечи... «Записки охотника» — поэзия, а не политика...

Вот уж подлинно: из отдаления лучше он ощущал родину и посо-зерцал её. За три года в Париже и Куртавенеле, под крылом Виардо, написал Тургенев пятую часть вообще своего творения, а работал сорок лет!

...Тургенев попал в огарёвско-герценовскую среду.

...Настал день, когда вдруг не пришли газеты из Парижа...

— Франция стала республикой!

Тургенев тотчас бросился в Париж. Не закреплять, разумеется, завоевания революции, а смотреть.

...Герцен, Гервег, Бакунин жили в это время в Париже...

Жизненно Тургенева могла тревожить только мать да Россия. Терпению Варвары Петровны подходит конец. До революции она держалась...стала настоятельно звать сына домой... перестала высылать ему деньги.

...Следующая зима оказалась последней для Тургенева во Франции. Провёл он её в Париже. А весной решил съездить в Россию.

Франция дала ему много. Он встречался с замечательными людьми — Жорж Санд, Мериме, Шопеном, Мюссе, Гуно. Жил в воздухе высокой культуры. Можно сказать, что «первый» Тургенев (до романов)... сложился при Виардо, в Париже, в Куртавенеле. Когда в июне 1850 года

он покидал (надолго) Францию и женщину, которую любил, это был уже зрелый Тургенев, познавший искусство, познавший любовь, видевший вблизи движения и падения обществ, знавший уже не романтическую тоску юноши, а спокойную печаль взрослого.

8. Дела домашние. 1850 — 1852. Садясь в поезд, думал ли Тургенев, что покидает Запад, Париж, Виардо на целых шесть лет?..

Ему шёл тридцать шестой год...

Иван Сергеевич встретился с матерью хорошо, но попал в нервный воздух. Он и Николай были уже вполне взрослые, наследники большого состояния и в то же время полунинчие...

Братья решили действовать. Обратились к матери: в самой почтительной и мягкой форме просили определить им какой-нибудь, пусть небольшой, доход, только бы иметь необходимое для жизни и не беспокоить её по мелочам. Варвара Петровна не возражала, приказала написать две дарственные — одно имение, Сычёво, отдаётся Николаю, другое, Кадное, — Ивану. Но... дарственные эти она не оформила. Они не имели законной силы, и в любой момент она могла их отменить...

Так как дарственные в окончательном виде были те же, что и черновики, то решили их не принимать, ни в какие переговоры с матерью не вступать, в имения не ездить, а предъявить требование о наследстве отца.

Варвара Петровна отлично поняла, как они приняли её «подарок». На другой день вызвала Ивана для объяснений. Тут он многое высказал ей — не только о себе, но и вообще о её жизни и правлении. В конце разговора Варвара Петровна закричала:

— Нет у меня детей! Ступай вон!..

Иван и Николай Сергеевич уехали в отцовское Тургенево. Варвара Петровна в день разрыва лежала в нервном припадке. Но, отлежавшись, ничего в решении не изменила...

Она их (сыновей) отвергла вовсе. К себе не допускала, не отвечала на письма. Почувствовав себя однажды с утра плохо, быстро собралась и в одиночестве уехала в Москву...

Это было последнее её путешествие. С Остоженки она попала лишь в могилу...

Тургеневу смерть матери приносит свободу, независимость и богатство. Он получает Спасское. Раздел с Николаем прошёл легко... Дворовых (он) отпустил, крестьян (кто того хотел) перевёл на оброк...

Он теперь жил в Петербурге и Москве, широко принимал, давал обеды, вращался и в среднем кругу, и в высшем. Выступал как драматург на сцене. Шла его комедия «Холостяк», позже — «Провинциалка»...

Щепкин, знаменитый актёр, с которым Тургенев сблизился по театральным делам, повёз его к Гоголю...

Гоголь Тургенева знал. Считал первой величиной молодой словесности. Тургенев благоговел перед ним и описал в воспоминаниях...

Знакомство было беглое. Да и Гоголь находился уж в тяжёлом состоянии. Известно, как ужасны были его последние месяцы... Он (Тургенев) написал о Гоголе статью. Непонятно, чем она огорчила власть. Восхвалялся Гоголь как писатель... Никого Тургенев не задел, даже отдалённо.

Тургенева арестовали. Посадили по распоряжению Государя на съезжую, то есть при полицейской части. Высидеть предстояло месяц. Сидение не оказалось ни страшным, ни даже неудобным. Ему отвели отдельную комнату, отлично кормили, к нему ездили друзья, он много, по обыкновению, читал, написал «Муму»...

18 мая его выпустили, обязав уехать в Спасское, где и жить под надзором полиции.

9. Ссылка и воля. 1852 — 1855. Первое лето и осень целиком ушли на охоту...

Из таких блужданий рождались «Поездка в Полесье», «Постоялый двор», «Затишье» — да вообще сквозь всё тургеневское западничество его любовь к русской земле... вся эта любовь стихийная питалась, вращивалась охотничьими скитаниями.

Осенью 1853 года с него сняли опалу. Он мог жить где угодно и что угодно делать... покатыл в Москву и Петербург. Началась жизнь рассеянная, среди друзей, как Анненков, Боткин, полудрузей — Некрасов, Панаев, Григорович, обеды, салоны, светское общество. Тургенев начинал уже «блистать»...

Летом 55-го года, в том же Спасском, засеб, он в семь недель закончил «Рудина», вещь в некоем смысле дебютную и блестящую. «Рудиним» открывается полоса тургеневского романа и тургеневской наиболее широкой славы... Все «лишние люди», все русские Гамлеты и незадачливые чеховские врачи пошли от Рудина...

«Рудина» привёз он из Спасского в Петербург...

Среди этих занятий приобрёл он одно замечательное знакомство: в ноябре приехал из Севастополя в Петербург молодой артиллерийский офицер граф Лев Толстой. Этому Толстому Тургенев уже несколько знал по литературе...

Что может быть противоположнее Тургеневу? Представишь ли себе Тургенева на Кавказе или на Малаховом кургане? Без каких-нибудь дам и барышень, перед которыми он блистает, и не может, даже не должен не блистать: он не был бы тогда Тургеневым. Или Тургенев без книг, театра, среды литераторов? Без многолетней и глубокой, тонкой просвещённости?

Он сразу понял в Толстом писателя — да ещё какого!.. Получилось даже, что Толстой поселился у него на квартире... Разумеется, хозяин и гость не могли двух слов сказать, не заспорив.....Из личного знакомства этих замечательных людей не вышло ничего. Но странные, болезненные, тяжёлые отношения тянулись всю жизнь...

10. Сумрак. 1855 — 1857. ...прошло шесть лет, как покинул Тургенев Францию... Из бедствующего в неладах с матерью он обратился в первого писателя страны... человека с хорошими средствами и вполне независимого. Слава шла к нему по заслугам. «Бежин луг», «Певцы», «Касьян с Красивой мечи» углубляли «Записки охотника». «Фауст» вводил в таинственного Тургенева. «Рудин» показал в нём романиста...

Уже с 53-го года прекратилась его переписка с Виардо... Его вновь потянуло на Запад...

Надежды на счастье нет, а гнаться за ним всё же хочется...

21 июля 1856 г. на пароходе в Штеттин... Из Штеттина во Францию, снова осень в Куртавенеле. Снова Виардо...

Будто бы всё прежнее, но всё и другое...

С Виардо ничего не налаживалось...

Зима 56 — 57 гг., редкая у Тургенева, ничего литературе не дала... И то, что не писал, что пал духом и потерял (временно) веру в своё дарование, ещё более угнетало.

...из Парижа весной ехал. Побывал в Лондоне, а летом попал в немецкий городок Зинциг... в Германии и родилась «Ася»...

В августе он попал в Булонь, на морские купания. Затем — Париж. • Далее — в Куртавенель... Иван Сергеевич мог только вздыхать: «Так жить нельзя. Полно сидеть на краешке чужого гнезда. Своего нет, ну и не надо никакого»... Вновь двинулся он в путешествие, выбрал Италию.

...музеи, галереи, катакомбы, знакомство с художниками... книги, классики...

Осень и Рим шли к его настроению.

...он в Риме задумал (и частично написал) «Дворянское гнездо»...

Летом же оказался у себя в Спасском.

Осенью он повёз роман в столицу. Успех на этот раз оказался решающим. Толстой ещё не написал «Войны и мира». Достоевский находился в ссылке. Соперников Тургеневу в литературе не было .

11. Шестидесятые годы. 1860— 1861. Тургенева всегда раздражала неустроенность и «отсталость» России — деспотическое правительство, крепостное право. С ранних лет стал он западником. Преклонился перед более культурным государственным устройством, перед большей свободой общества...

Из-за «разумного» своего западничества разошёлся Тургенев со многими писателями, крупнейшими: Толстым, Достоевским, Тютчевым, Фетом, даже с: Герценом (не считая славянофилов)... Он признавал очень правильные и разумные вещи: гуманность, просвещение, свободу, «дельных» и «честных» людей, «надо работать»...

Время шло... царствование императора Николая сменялось более мягким — Александра II. Готовилось освобождение крестьян, судебные реформы... «Дворянское гнездо» уходило... Жизнь надвигалась двулика и трагическая... Шестидесятые годы! ...время великих реформ— и оплевания Пушкина, непонимания Толстого, Фета, Достоевского, время торжествующего нигилизма, Базаровых, «Бесов», Нечаева...

Первый его «общественный» роман — «Накануне»...

Новых людей, «разночинцев», весьма лево устремлённых, не мог не раздражать Тургенев своею барственностью, громадной просвещённостью, избалованностью, красноречием, французским языком салонов XVIII века, изяществом одежды, гастрономией, снисходительностью... А его задевало плебейство их, невоспитанность, грязные ногти, самоуверенность, иногда прямо наглость...

«Накануне» появилось в январской книжке «Русского Вестника» 1860 г. - и тотчас начался обстрел в «Современнике»... К концу года они так осмелели, что в объявлении о подписке на «Современник» 1861 г. заявили, что отказываются от сотрудничества автора «Записок охотника», ибо «расходятся с ним в убеждениях»... Тургеневу предстояло пройти сквозь строй: в 61 году он окончил «Отцов и детей». На следующий год роман появился в том же «Русском вестнике».

В тургеневской литературной жизни ничего не было равного «Отцам и детям» по шуму... Тургенев попробовал изобразить «героя нашего времени» внешне... Тургенев дал Базарова «со стороны», точный, верный и умный портрет. Но сердце его не могло быть с первым в нашей литературе большевиком...

Поднялись вопли. Молодёжь обиделась... «Современник» был в восторге, что можно лишний раз лягнуть. Некий Антонович «тиснул» статью «Асмодей нашего времени» — с бранью на Тургенева. Автор страдал, пытался что-то объяснить, но ничего, конечно, изменить не мог... Ему хотелось тишины, мира, света —и не хотелось России... Освобождавшуюся Россию приветствовал он всем сердцем. Россия ответила ему свистом .

12. Баден. 1861 — 1864. К концу 50-х годов у Полины Виардо стал пропадать голос... Оставаться в Париже, видевшем её триумфы, не хотелось... Она выбрала Баден. Теперь

Тургеневу приходилось выбирать: жить ли по-прежнему в Париже, возвращаться ли в Баден... Что-то вновь между ними произошло — сблизило.

...получил он через посольство предписание явиться в Петербург: но обвиняли в сношениях с эмигрантами, врагами правительства — Герценом, Бакуниным и Огарёвым. Он должен был дать объяснения. В противном случае грозили конфискацией имущества... Предстояло ехать в Петербург... Наконец, в январе 1864 года, пришлось выехать...

И вот начинается петербургская жизнь: обеды с Анненковым, Боткиным, театры... Филармоническое общество... заседания Комитета помощи литераторам, званый вечер у итальянского посла... В конце января решилось его дело. Тургеневу разрешили выехать за границу — обязали только немедленно явиться в случае вызова...

В марте возвратился Тургенев в свой Баден.

...Из сложных и горьких чувств возник «Дым» — главнейшая вещь баденской полосы .

13. Катастрофа. 1870. (Речь идёт о франко-прусской войне). Мирно -идиллическая жизнь кончилась. Виардо собрались и уехали... в ноябре он уже в Лондоне. Там и семья Виардо.

Но ни Франция, ни Париж не пропали. Тьер пролил море крови... но Париж уцелел, хоть и пострадал в бомбардировках и боях. Погибших забывают, дома застраиваются, мостовые чинят... жизнь идёт. Мир заключён. Скоро страна, против всяких ожиданий, зацветает вновь... И великий Париж, ожидающий, вновь всасывает эту странную русско-французскую семью.

14. Париж. 1872 — 1874. Ему шёл пятьдесят четвёртый, ей исполнилось пятьдесят... в полубольном, старом и горестном Тургеневе достойна всяческого уважения черта сочувственности к людским бедам... читал бесчисленные безнадёжные рукописи, писал мягкие письма, искал работу, устраивал больных в лечебницы, давал деньги на школы, возился с литературно-музыкальными утратами в пользу нуждающихся, учредил первую в Париже русскую библиотеку — не так уж это мало и не так похоже на писателя «европейского».

В парижскую же литературную жизнь вошёл сильно и след оставил.

С Жорж Санд (которую очень ценил) и с Мериме знакомство его давнишнее, счастливых времён Куртавенеля. А в начале шестидесятых годов познакомился с Флобером — и сдружился. Настолько он к Флоберу привязался, что считал: только и было у него два друга настоящих — Флобер и Белинский (в юности) .

15. Буживаль. 1875 — 1878. Жизнь шла тихая, старчески-закатная. Видишь его здесь полубольным и грустным, с подагрой, нередко в плеле, медленно прогуливающимся по парку (в лучшие относительно годы, до последней болезни). ...встанет monsieur Tourgueneff, в тишине ночи обойдёт сад и, вернувшись, запишет себе в дневнике: «Самое интересное в жизни — смерть» .

16. Слава. 1879 — 1880. В начале 79-го года умер в России старший брат Тургенева Николай, тот, с кем вместе воевали они некогда против матери, который по смерти её стал

владельцем огромного состояния...

До духовного уровня младшего брата никогда Николай не подымался...

В феврале 79-го года (Тургенев) приехал в Москву по делу о наследстве. Иван Сергеевич получил совсем мало...

Началось как будто с пустяка... Приезд его обратился в триумф.

В начале марта Тургенев переехал в Петербург. Тотчас петербургская литература устроила в его честь обед. Литературный Фонд — вечер. Должен был он читать и в пользу какой-то гимназии — педагогички чуть не вынесли его на руках. Вновь, как в Москве, толпа по утрам в его номере. Приносят его сочинения (опять автографы), адреса, приветствия...

Шум Москвы и Петербурга достиг Запада. Оксфордский университет поднёс Тургеневу диплом доктора гражданского права. «Ох, как плохо идёт учёная шапка к моей великорусской роже!» — писал он... будто бы удивляясь, что ему эту шапку дали... «Оказывается, что я всего второй русский, заслуживший подобную честь» .

17. Судьба. 1881 — 1883. Всё-таки у Полины он жил баринком. Занимал в верхнем этаже четыре комнаты, обедал внизу, для приёмов совместный великолепный салон. В Буживале целый дом... У Тургенева была прислуга, он не стеснён в средствах — за что угодно, только не за материальную, житейскую скудость можно пожалеть старческие годы Тургенева...

Мог юношей погибнуть в пожаре на море, и не погиб. Всегда боялся холеры и от одного воображения захварывал. Боялся октября 81 года — и напрасно. А когда в апреле 82-го появились «невралгические» боли, не обратил на них внимания. Боли и боли. Шарко... «не велел выходить из комнаты дней десять». И ни Тургенев, ни Шарко не подозревали всего ужаса положения. Не невралгия, не грудная жаба. Начинался рак спинного мозга.

«Когда будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу». Полонские прислали ему в письме цветы и листья спасского сада...

Осенью жил он в Буживале один (Виардо рано переехала в Париж... погода скверная). Работал, писал довольно много писем... В ноябре переехал в Париж. К январю боли усилились...

Весна, Буживаль... Умирает старик Виардо... Что думал Тургенев, глядя на его гроб, удалявшийся вниз, по спуску к воротам на набережную?

В мае он смог ещё написать Полонским: «Болезнь не только не ослабевает, она усиливается — страдания постоянные, невыносимые несмотря на великолепнейшую погоду — надежды никакой — жажда смерти всё растёт...»

Так умирал Тургенев. Всю жизнь стремился он к счастью, ловил любовь и не догнал. Счастья не нашёл, смерть встречал в муках...

Умер он 22 августа. Отошедши, весь преобразился. И не только не осталось на лице следов

страданий, но, кроме красоты, по-новому в нём выступившей, удивляло выражение того, чего при жизни не хватало: воли, силы...

Сохранились фотографии с него в гробу: действительно прекрасен. Может быть, и никогда красив так не был.